На правахъ рукописи.

Б. Н. Чичеринъ.

КОНСТИТУЦІОННЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ РОССІИ

Рукопись 1878 года.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „Товарищества Печатнаго Станка“.
1906

На правахъ рукописи.

Б. Н. Чичеринъ.

КОНСТИТУЦІОННЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ РОССІИ

Рукопись 1878 года.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „Товарищества Печатнаго Станка".
1906

Конституціонный вопросъ въ Россіи.

Восточная война оставила русское общество въ полномъ недоумѣніи. Тѣ, которые ждали окончательнаго освобожденія христіанъ и разрѣшенія восточнаго вопроса, должны были разочароваться; тѣ-же, которые не очаровывались съ самаго начала, не могутъ не видѣть, что несмотря на блистательныя побѣды, война вмѣстѣ съ экономическимъ разстройствомъ, принесла намъ и нравственное разслабленіе. Того одушевленія, которое господствовало послѣ крымской кампаніи, нѣтъ и тѣни. Всѣ понимаютъ, что внѣшнее положеніе Россіи зависитъ прежде всего отъ ея внутренняго развитія; для того, чтобы она могла исполнить предстоящія ей задачи, необходимо поднять умственный, нравственный и экономическій уровень русскаго общества. Но какъ приняться за такое дѣло? Откуда ожидать того могучаго толчка и того разумнаго направленія, которые были-бы способны поставить насъ на новую высоту? Правительство, безсильное въ своемъ одиночествѣ, взываетъ къ содѣйствію общества; послѣднее, съ своей стороны, сознавая собственное свое безсиліе, всего ожидаетъ отъ правительства. Для всѣхъ очевидно, что только совокупною дѣятельностью обоихъ возможно искоренить гнетущее насъ нравственное и матеріальное зло. Но для такой дружной дѣятельности не существуетъ почвы. Оффиціально, не слышится ничего, кромѣ заявленій преданности и

покорности; но въ дѣйствительности, правительство и общество не знаютъ и не понимаютъ другъ друга.

При такомъ положеніи дѣлъ, естественно возникаетъ мысль объ установленіи органа, способнаго соединить разрозненныя силы и дать общее направленіе теченію, идущему сверху, и теченію, идущему снизу. Конституціонный вопросъ, дремавшій нѣкоторое время, снова выдвигается на первый планъ. Заглушить его нѣтъ возможности; идти впередъ закрывши глаза было бы безразсудно. Всякій истинный сынъ отечества, всякій, кто ищетъ исхода изъ настоящаго положенія, обязанъ выяснить себѣ, насколько подобное преобразованіе у насъ возможно и необходимо.

Конституціонный вопросъ возбужденъ былъ уже въ первое десятилѣтіе настоящаго царствованія, вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ. Въ то время самыя разнородныя направленія соединялись въ этой мысли. Съ одной стороны дворяне, лишившись крѣпостного права, думали этимъ путемъ сохранить обломки своихъ утраченныхъ преимуществъ и связать настоящее съ прошедшимъ. Съ другой стороны нетерпѣливые либералы хотѣли воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы съ помощью возбужденныхъ страстей провести конституціонныя идеи. Само правительство, повидимому, поддавалось этому движенію. Оно чувствовало себя какъ-бы въ долгу передъ дворянствомъ и думало удовлетворить возникающія требованія, если не дарованіемъ настоящей конституціи, то учрежденіемъ совѣщательнаго собранія или, по крайней мѣрѣ, призывомъ депутатовъ отъ сословій въ Государственный совѣтъ. Всѣ умы были заняты этимъ вопросомъ; объ немъ явно толковали въ дворянскихъ собраніяхъ; въ печати появлялись на него прозрачные намеки.

Многіе, однако, считали возбужденіе его преждевременнымъ.

Для всякаго просвѣщеннаго человѣка не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что всѣ народы, способные къ развитію, рано или поздно приходятъ къ представительному порядку. Свобода составляетъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ элементовъ, какъ общественнаго благосостоянія, такъ и политическаго могущества, а свобода естественно, неудержимо ведетъ къ участію народа въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ. Едва-ли въ настоящее время, въ средѣ образованныхъ людей, найдется хотя одинъ защитникъ старыхъ консервативныхъ теорій, которыя съ злоупотребленіями свободы устраняли и самыя законныя ея проявленія. Свобода до такой степени вошла въ плоть и кровь европейскихъ народовъ, факты съ такою очевидностью доказали все ея значеніе для общественнаго и политическаго быта, что даже разсуждать объ этомъ было бы безполезно. Воображать же, что сколько-нибудь широкое развитіе свободы возможно безъ представительнаго правленія, ничто иное, какъ праздная мечта. Тамъ, гдѣ обществу предоставлено думать и говорить объ общественныхъ дѣлахъ, гдѣ оно можетъ высказывать свои желанія и требованія и въ выборныхъ учрежденіяхъ, и въ печати, тамъ оно неминуемо приходитъ къ потребности перевести свои мысли въ дѣло и участвовать въ рѣшеніи важнѣйшихъ для него вопросовъ. Мысль и воля не могутъ распредѣляться въ государствѣ между различными органами, ибо онѣ неразрывно связаны въ самомъ естествѣ человѣка. Въ политической жизни одного нравственнаго вліянія недостаточно. Убѣжденіемъ можно дѣйствовать въ области науки, нравственности, религіи; въ государствѣ-же, гдѣ владычествуетъ

принудительная сила, гдѣ право составляетъ одно изъ основныхъ началъ, гдѣ всѣ обязанности имѣютъ характеръ юридическій, всякій вліятельный органъ непремѣнно долженъ быть облеченъ правами. Въ самодержавіи свобода только терпима; силу и прочность она имѣетъ только тамъ, гдѣ она сама участвуетъ въ рѣшеніяхъ власти. Это вѣчный, неизмѣнный, вытекающій изъ самого существа государственной жизни законъ, одинаково прилагающійся ко всѣмъ временамъ и народамъ. Древнія республики облекали политическое право въ форму народныхъ собраній; новые народы, разсѣянные на болѣе широкихъ пространствахъ, усвоили себѣ форму представительства. Но существо учрежденій вездѣ одно и тоже: въ нихъ выражается правомѣрное участіе народа въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ.

Отъ этого закона не изъята и Россія, несмотря на то, что ея исторія доселѣ представляла мало задатковъ для развитія политической свободы. На всемъ европейскомъ материкѣ самодержавіе въ теченіе вѣковъ играло первенствующую роль; но нигдѣ оно не имѣло такого значенія, какъ у насъ. Оно сплотило громадное государство, возвело его на высокую степень могущества и славы, устроило его внутри, насадило въ немъ образованіе. Подъ сѣнью самодержавной власти русскій народъ окрѣпъ, просвѣтился и вступилъ въ европейскую семью, какъ равноправный членъ, котораго слово имѣетъ полновѣсное значеніе въ судьбахъ міра. Но самодержавіе, которое вездѣ играетъ роль воспитателя юныхъ народовъ, не соотвѣтствуетъ уже эпохѣ ихъ зрѣлости. По существу своему, оно не въ состояніи поднять народъ выше извѣстнаго уровня. Оно можетъ дать все, что совершается дѣйствіемъ власти; но оно не въ силахъ дать того, что пріобрѣ-

тается свободою. Общество, привыкшее ходить на помочахъ, никогда не разовьетъ въ себѣ той внутренней энергіи, той самодѣятельности, безъ которыхъ нѣтъ высшаго развитія. Въ силу историческаго своего призванія, какъ воспитатель, совершившій свое дѣло, самодержавіе само ведетъ народъ къ самоуправленію. Чѣмъ болѣе оно дѣлаетъ для народа, чѣмъ выше оно поднимаетъ его силы, тѣмъ болѣе оно само вызываетъ потребность свободы и этимъ приготовляетъ почву для представительнаго порядка.

Таже потребность возбуждается и извнѣ сосѣдствомъ конституціонныхъ государствъ. Не только распространеніе либеральныхъ идей, которымъ никакія китайскія стѣны не въ состояніи положить преграды, но и самая практическая необходимость ведетъ къ водворенію представительнаго правленія. Государство, въ которомъ задерживается общественная самодѣятельность, не въ состояніи тягаться съ свободными странами, гдѣ всѣ общественныя силы развиваются на полномъ просторѣ и призываются къ содѣйствію общей цѣли. Поэтому, когда среди народовъ, живущихъ общею жизнью, одни вступаютъ на либеральный путь, они неизбѣжно увлекаютъ за собою и другихъ. Какъ усовершенствованія военнаго искусства, вводимыя въ одномъ государствѣ, вызываютъ тѣ же усовершенствованія и въ сосѣднихъ странахъ, такъ и въ политической жизни невозможно обойтись безъ тѣхъ высшихъ орудій, которыя даются свободою, когда этими орудіями владѣютъ соперники. Такое требованіе вытекаетъ отнюдь не изъ слѣпого подражанія иностраннымъ образцамъ, а изъ самаго существа государственной жизни, въ основаніи которой всегда и вездѣ лежатъ одинакіе человѣческіе элементы. Ссылаться на какія-то особенности Россіи, которыя изъем-

лютъ ее изъ общихъ законовъ человѣческаго развитія, опять ничто иное, какъ пустая фантазія. Мы ничего своего не изобрѣтемъ, по той простой причинѣ, что въ этой области изобрѣтать нечего. Она изслѣдована вдоль и поперекъ; извѣданы цѣли и средства; вопросъ состоитъ единственно въ ихъ приложеніи.

Изъ самого существа дѣла вытекаетъ и то, что для Россіи идеаломъ представительнаго устройства можетъ быть только конституціонная монархія. Изъ двухъ формъ, въ которыхъ воплощается политическая свобода, ограниченная монархія и республика, выборъ для насъ не можетъ быть сомнителенъ. Монархическая власть играла такую роль въ исторіи Россіи, что еще въ теченіе столѣтій она останется высшимъ символомъ ея единства, знаменемъ для народа. Долго и долго еще она сохранитъ первенствующее значеніе въ государственныхъ учрежденіяхъ. Единственное, о чемъ позволительно у насъ мечтать, это пріобщеніе къ ней народнаго представительства, облеченнаго дѣйствительными, а не мнимыми правами. Такова цѣль, которую долженъ имѣть въ виду всякій просвѣщенный русскій человѣкъ, когда онъ обращается къ будущему своего отечества.

Все это положенія едва ли подлежащія спору. Несомнѣнно и то, что преобразованія нынѣшняго царствованія приготовили разрѣшеніе конституціонного вопроса и поставили его, такъ сказать, на очередь. Пока живо было крѣпостное право, невозможно было и думать о свободныхъ учрежденіяхъ. Закрѣпленное снизу, русское общество должно было оставаться закрѣпленнымъ и сверху. Но съ разрѣшеніемъ вѣковыхъ узъ, съ уничтоженіемъ всего историческаго строя русскаго общества, наступила новая пора. Водвореніе гражданской свободы во всѣхъ слояхъ и на

всѣхъ общественныхъ поприщахъ, независимый и гласный судъ, земскія учрежденія, наконецъ, новая въ Россіи, хотя и скудная еще, свобода печати, все это —части новаго зданія, естественнымъ завершеніемъ котораго представляется свобода политическая. Невозможно сохранить историческую вершину, когда отъ историческаго зданія, которое ее поддерживало, не осталось и слѣда; невозможно удержать правительство въ прежнемъ видѣ тамъ, гдѣ все общество пересоздалось на новыхъ началахъ. Весь вопросъ заключается въ томъ, ранѣе или позднѣе наступитъ пора совершить этотъ послѣдній, знаменательный шагъ на пути свободы. Въ этомъ отношеніи, мнѣнія самыхъ просвѣщенныхъ и либеральныхъ людей могутъ расходиться.

Когда конституціонный вопросъ былъ возбужденъ вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, онъ не могъ найти отзыва въ тѣхъ, которые, живо сочувствуя новымъ преобразованіямъ, желали, чтобы они упрочились и пустили корни, прежде нежели приступить къ дальнѣйшимъ перемѣнамъ. Переворотъ, совершившійся въ Россіи былъ такъ громаденъ, всѣ отношенія общественныя и частныя до такой степени выбились изъ прежней колеи, что нужно было время для того, чтобы общество привыкло къ новому порядку вещей и переварило въ себѣ, такъ сказать, всю приготовленную для него пищу. Эпохи глубокихъ гражданскихъ преобразованій менѣе всего благопріятны водворенію политической свободы, которая требуетъ отъ общества болѣе или менѣе установившихся понятій и согласнаго дѣйствія. Въ то время Россія представляла зрѣлище чисто анархическаго броженія умовъ. Всѣ прежнія понятія перепутались а новыя не успѣли выработаться. Вся старая опытность оказалась негодною, а новая была еще впереди. Не было

ни одного учрежденія, которое бы осталось нетронутымъ, ни одного интереса, который бы не былъ поколебленъ. И все это въ обществѣ, которое, подъ давленіемъ прежняго деспотизма, не успѣло усвоить себѣ ни теоріи, ни практики свободы. Избирать такую пору для введенія конституціоннаго порядка было бы тоже, что пустить корабль по волѣ вѣтра и волнъ. Этимъ не только отвлекались силы отъ самой насущной работы, но вмѣстѣ съ тѣмъ давалась точка опоры всѣмъ разнузданнымъ страстямъ и интересамъ: это была бы новая громадная задача, заданная Россіи прежде, нежели она успѣла совладать съ настоящею. Результатомъ подобнаго шага могло быть лишь усиленіе анархіи, а вслѣдъ за тѣмъ неминуемое торжество реакціи, которая могла уничтожить не только едва зарождающуюся политическую свободу, но и юныя преобразованія, неуспѣвшія еще упрочиться въ народной жизни.

Россія была избавлена отъ подобнаго кризиса. Съ высоты престола были сказаны многозначительныя слова: „спѣшить было-бы не только вредно, но и преступно." Искусственно возбужденная агитація въ пользу конституціоннаго порядка на время утихла: взволнованные умы успокоились сами собою, и Россія мирно принялась за примѣненіе дарованныхъ ей учрежденій. Крестьянскій вопросъ рѣшенъ окончательно. Въ настоящее время, эта первоначальная работа, можно сказать, покончена; новыя преобразованія сдѣлались неотъемлемою принадлежностью народной жизни. Всѣ свыклись съ новымъ порядкомъ вещей; всѣ безропотно принялись за устройство своего быта на новыхъ началахъ. Точно также и земскія, и судебныя учрежденія въ короткое время вошли уже въ нравы народа. Не вездѣ они приносятъ добрые плоды; многое зависитъ отъ мѣстности, отъ случайнаго соединенія

людей. Но русское общество даетъ то, что оно можетъ дать, и за будущность ихъ нечего опасаться. Мы научились ими дорожить, и всякое на нихъ посягательство было бы встрѣчено всеобщимъ неудовольствіемъ.

Отъ этой внутренней работы не могла отвлечь Россію даже реакція, наступившая съ 1866 года. Выстрѣлъ 4-го Апрѣля былъ сигналомъ поворота въ дѣйствіяхъ правительства. Обнаруженное имъ броженіе въ умахъ молодежи требовало отчасти зоркой полиціи, а еще болѣе нравственнаго руководства. Но о послѣднемъ никто не думалъ. Народное просвѣщеніе было передано въ руки, которыя способны были не излѣчить а только усилитъ зло. Полицейская же дѣятельность, которая въ благоустроенномъ государствѣ должна занимать второстепенное мѣсто, сдѣлалась предметомъ главной заботы правительства. Русское общество было изумлено, увидѣвъ снова тайную полицію, стоящую у самаго престола и распространяющую свое вліяніе на всѣ отрасли управленія. Нѣкоторое время можно даже было опасаться, что на Россію обрушится новый, тяжелый гнетъ, который уничтожитъ благія сѣмена, насажденныя въ первую половину настоящаго царствованія.

Къ счастью, эти опасенія не сбылись. Полицейскіе розыски исказили, но не уничтожили созданный преобразованіями государственный строй.

Державная рука сохранила свое собственное произведеніе. Можно сказать, что реакція нанесла вредъ болѣе всего самому правительству. При видѣ полицейскихъ агентовъ, окружающихъ престолъ, отъ него отшатнулись всѣ независимыя и образованныя силы; довѣріе было подорвано. Правительство, которое во имя великихъ дѣлъ, имъ совершенныхъ, могло соединить всѣхъ вокругъ себя, возстановило противъ себя

значительную часть общества. Но какъ существенныя основы новаго зданія оставались непоколебимы, такъ какъ реакціонныя мѣры ограничивались частными преслѣдованіями и мелочными стѣсненіями, то общество, въ сущности, мало этимъ тревожилось. Всѣ спокойно обращали свои взоры къ будущему царствованію, ожидая отъ него необходимаго завершенія новаго порядка вещей.

Но Россіи не суждено было мирно дожить до будущаго царствованія. Восточная война положила конецъ періоду медленнаго внутренняго развитія. Она поставила русскому обществу новыя, громадныя задачи, которыя требуютъ разрѣшенія. Мы не можемъ ждать, если мы хотимъ сохранить свое мѣсто въ политическомъ мірѣ и сказать свое вѣское слово въ предстоящихъ великихъ европейскихъ событіяхъ. Мы не можемъ ждать, ибо мы неизбѣжно придемъ къ матеріальному и нравственному банкротству, если мы своевременно не примемся за работу.

Прежде всего, передъ нами возникаетъ грозный финансовый вопросъ. Война не только истощила наши средства, но и вовлекла насъ въ крупные долги. Государству необходимы деньги; надобно открыть новые источники дохода, а гдѣ ихъ найти? Платежная способность крестьянъ напряжена до крайней степени; болѣе съ нихъ нечего брать. Съ своей стороны, помѣщики не только не богатѣютъ, но едва поддерживаютъ свое состояніе. Значительная часть ихъ закладываетъ или продаетъ свои имѣнія. Что касается до купечества, то послѣдніе годы были для него бѣдственны; настоящее же временное оживленіе торговли покоится на такихъ шаткихъ основаніяхъ, что на это расчитывать нѣтъ возможности. Очевидно, что для поправленія нашихъ финансовъ

потребуются отъ народа самыя тяжелыя жертвы. Правительство видимо отъ этого уклоняется; оно старается ограничиться палліативными мѣрами. Но можно навѣрно сказать, что палліативныя мѣры не приведутъ къ желанному результату. Если не теперь, то черезъ нѣсколько лѣтъ придется прибѣгнуть къ коренному преобразованію налоговъ, а съ этимъ сопряжено коренное измѣненіе всего государственнаго строя, отмѣна вѣковыхъ привилегій, уничтоженіе сословій. Съ наложеніемъ новыхъ тяжестей связана необходимость дарованія новыхъ правъ; съ требованіемъ денегъ возбуждается и требованіе контроля надъ расходами. Финансовый вопросъ становится вопросомъ политическимъ.

Дѣлая такой рѣшительный шагъ, русское правительство, равно какъ и русское общество, должно дать себѣ строгій отчетъ въ томъ, что они совершаютъ. Невозможно приступить къ финансовой реформѣ, не выяснивъ тѣхъ послѣдствій, которыя она должна имѣть для всей политической жизни народа.

Самодержавіе безъ привилегированныхъ сословій немыслимо. Между безправнымъ народомъ и полноправнымъ царемъ необходимъ аристократическій элементъ, который одинъ въ состояніи умѣрить произволъ исполнительныхъ органовъ и дать самой верховной власти болѣе прочныя основы, связавъ ее съ интересами образованнѣйшихъ слоевъ общества, Какъ бы ни велико было самовластіе, оно всегда находитъ нравственную преграду въ духѣ, требованіяхъ и понятіяхъ привилегированнаго сословія; оно принуждено уважать этотъ духъ, потому что видитъ въ немъ не только независимую силу, но и самую надежную свою опору. Часто говорятъ, что самодержавіе крѣпко народною любовью; но если это только

любовь необразованной массы, то она никогда не предупредитъ придворныхъ революцій и не дастъ правительству надлежащихъ орудій дѣйствія. Грубая сила, опирающаяся на толпу, можетъ временно держаться, но она неминуемо падетъ передъ невидимымъ напоромъ образованныхъ элементовъ, которымъ всегда принадлежитъ первенство, потому что у нихъ однихъ есть разумъ, необходимый для управленія государствомъ.

Аристократическій элементъ въ самодержавномъ правленіи имѣетъ и другое весьма важное общественное значеніе. Это единственная среда, въ которой, при такомъ порядкѣ могутъ вырабатываться чувства права, свободы, чести и человѣческаго достоинства. Подъ владычествомъ безграничнаго самовластія эти чувства должны искореняться въ народѣ, который вслѣдствіе того развращается и падаетъ. Привилегіи служатъ имъ убѣжищемъ и спасеніемъ. Въ самодержавіи, одно только высокое общественное положеніе въ состояніи внушить человѣку сознаніе права и уваженіе къ собственному достоинству. Русскій дворянинъ нѣкогда обязанъ былъ всю жизнь свою служить государству; но если онъ несъ тяжесть, если онъ подчинялся высшей власти, то онъ съ другой стороны не терялъ привычки повелѣвать, онъ сознавалъ, что онъ высоко стоитъ надъ массою людей, подлежавшхъ безграничному произволу; онъ зналъ, что ему подабаетъ уваженіе: онъ имѣлъ свою честь, которую онъ отстаивалъ всѣми силами. Когда же жалованныя дворянскія грамоты освободили его отъ обязательной службы, когда дворянство получило корпоративное устройство и выборныя права, то положеніе его сдѣлалось еще значительнѣе. Дворянинъ изъятъ былъ отъ подати; онъ не отправлялъ рекрутской повинности; онъ вступалъ

на службу и выходилъ въ отставку по собственной волѣ. Однимъ словомъ, онъ сознавалъ себя свободнымъ и полноправнымъ человѣкомъ, насколько это было возможно при самодержавномъ правленіи. Вольности дворянства были началомъ свободы въ Россіи.

Таково значеніе привилегированныхъ сословій въ неограниченной монархіи. Привилегіи составляютъ изъятіе отъ тяжестей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ произвола: онѣ даютъ исключительное право, но все таки право. Ими сохраняются и развиваются въ государствѣ тѣ элементы, безъ которыхъ не можетъ существовать ни одно сколько нибудь образованное общество, элементы, составляющіе самый драгоцѣнный залогъ человѣческаго развитія. Поэтому, когда привилегіи устраняются, онѣ должны замѣниться чѣмъ нибудь другимъ, высшимъ; иначе это будетъ шагъ не впередъ, а назадъ. Съ уничтоженіемъ привилегированныхъ сословій открывается возможность только двухъ путей: къ демократическому цезаризму и къ конституціонному порядку. Выборъ не можетъ быть сомнителенъ.

Въ настоящее время въ нашемъ обществѣ сильно развито стремленіе къ демократическому цезаризму. Всеобщее уравненіе подъ самодержавной властью многимъ представляется какимъ то идеаломъ общественнаго быта. Утверждаютъ даже, что таковъ духъ нашего народа, что въ этомъ заключается смыслъ всей русской исторіи. Ничего не можетъ быть вреднѣе и фальшивѣе этихъ понятій. Демократическаго равенства мы не видимъ въ русской исторіи ни въ какія времена. У насъ всегда существовала общественная лѣстница, и лѣстница весьма рѣзко опредѣленная. Въ старину на вершинѣ ея стояло боярство, понятіе о родовой чести ревниво оберегало каждую ступень и не дозволяло низшимъ подниматься къ уровню высшихъ. Впослѣдствіи боярство за-

мѣнилось чиновнымъ дворянствомъ; дворянскій духъ и чиновная честь заступили мѣсто родовыхъ притязаній. Но лѣствица осталась столь же опредѣленною, какъ и прежде: она сохранилась и въ правахъ, и въ учрежденіяхъ. Уравненіе сословій никогда не было политикою нашихъ царей. Ни въ какую эпоху нашей исторіи мы не видимъ самодержавной власти, опирающейся на толпу. Первою опорою престола всегда было дворянство, а не крестьянство. А если доступъ въ дворянство, путемъ образованія и службы, былъ относительно легокъ, то все же оно составляло рѣзко опредѣленное сословіе, которое высоко стояло надъ безправною массою. Невозможно говорить о демократическомъ равенствѣ въ странѣ, гдѣ до вчерашняго дня существовало крѣпостное право въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Крестьянинъ никогда не считалъ и не считаетъ себя равнымъ дворянину, это очевидно при малѣйшемъ соприкосновеніи съ крестьянскимъ бытомъ. И не только низшіе, но и средніе классы, которые вездѣ въ Европѣ являлись носителями идеи равенства, у насъ едва начинаютъ заражаться этими стремленіями. Доселѣ между ними и дворянствомъ существуетъ глубокое разстояніе, котораго причина заключается въ различіи нравовъ, стремленій, понятій и даже образованія. Сближеніе сословій происходитъ на нашихъ глазахъ; слiянія далеко еще нѣтъ. А потому невозможно утверждать, что демократическія идеи лежатъ въ духѣ русскаго народа и составляютъ плодъ всей нашей исторіи. Народъ объ нихъ ничего не знаетъ, въ исторіи мы ихъ не видимъ, и если въ настоящее время онѣ до нѣкоторой степени распространены въ русскомъ обществѣ, то это объясняется отчасти наплывомъ европейскихъ идей, а еще болѣе тѣмъ броженіемъ умовъ, которое послѣдовало за преобразованіями нынѣшняго царствованія. Среди овла-

дѣвшей нами умственной анархіи, чисто отрицательная идея всеобщаго уравненія всего скорѣе могла найти себѣ доступъ. Но эта идея является не плодомъ, а отрицаніемъ исторіи. Ея приверженцы имѣютъ въ виду не сохраненіе, а уничтоженіе того, что выработано историческою жизнью русскаго народа.

Столь же неумѣстна въ устахъ нашихъ демократовъ и ссылка на западную Европу, гдѣ сословныя привилегіи вездѣ исчезаютъ передъ началомъ демократическаго равенства. Демократія безспорно занимаетъ видное мѣсто въ ряду элементовъ, изъ которыхъ слагается политическая жизнь народовъ. Если для умовъ, глубже вникающихъ въ существо государственныхъ отношеній, она не можетъ представляться идеаломъ, то нельзя не признать въ ней одной изъ самыхъ сильныхъ движущихъ пружинъ человѣческаго совершенствованія. Но эта роль принадлежитъ демократіи образованной, а не полудикой, свободной, а не порабощенной. Для того, чтобы демократія могла исполнить свое настоящее назначеніе, необходимо, чтобы она была воспитана подъ вліяніемъ свободы, а первоначальное развитіе свободы всегда и вездѣ происходитъ въ средѣ высшихъ классовъ, которые одни имѣютъ для этого достаточно средствъ и образованія, которые одни способны выработать въ себѣ сознаніе права и прилагать это сознаніе къ своей политической дѣятельности. Поэтому, низведеніе высшихъ классовъ къ уровню низшихъ, прежде нежели совершилось воспитаніе демократической массы, прежде даже нежели водворились въ обществѣ начала политической свободы, можетъ имѣть для народной жизни самыя пагубныя послѣдствія. Равенство безъ свободы не возвышаетъ, а унижаетъ людей; оно не способствуетъ развитію умственныхъ и нравственныхъ силъ общества, а напро-

тія заглушаетъ тѣ задатки, которые обрѣтались въ высшихъ его слояхъ. Подведеніемъ всѣхъ подъ одинъ уровень уничтожаются тѣ высокія положенія, которыя одни служили нѣкоторою охраною и гарантіею свободы и права. Въ народѣ искусственно возбуждаются всѣ худшія страсти, зависть и ненависть ко всему, что возвышается надъ толпою. Всѣ готовы скорѣе идти въ рабство, нежели терпѣть преимущества, естественно принадлежащія высшей способности и высшему образованію. Равенство безправія худшій изъ всѣхъ возможныхъ общественныхъ порядковъ; оно служитъ опорою самому беззастѣнчивому деспотизму. Подобный политическій бытъ являетъ иногда въ исторіи лишь временное, переходное состояніе, когда неупроченная еще демократія выдвигаетъ всемогущаго диктатора, чтобы раздавить своихъ враговъ. Такова была древняя греческая тираннія, таковъ и новый бонапартизмъ. Но эти, неизбѣжныя иногда, созданія политической борьбы и глубокихъ общественныхъ потрясеній не обходятся обществу даромъ. Мы на глазахъ своихъ видимъ во Франціи печальные плоды такого порядка вещей, гдѣ личная воля, хотя и обставленная малоправнымъ представительствомъ, господствуетъ надъ уравненною толпою. Результатомъ является всеобщее униженіе умовъ. Источникъ, который производилъ высшія силы и способности, изсякаетъ, и народъ, стоя на краю гибели, слишкомъ поздно видитъ, куда привелъ его опасный путь демократическаго цезаризма.

Въ законной монархіи, такая демагогическая политика, стремящаяся привести всѣхъ къ общему уровню подъ царствующимъ надъ всѣми произволомъ, совершенно немыслима. Законная монархія не демократическая диктатура, всегда имѣющая мимолетный характеръ. Представляя собою совокупность элемен-

товъ народной жизни, она не терпитъ угнетенія слабыхъ сильными, но вмѣстѣ съ тѣмъ она всегда чувствуетъ ближайшую свою связь съ высшими слоями общества, которые одни даютъ ей средства управленія доставляемыя образованіемъ и необходимыя въ благоустроенномъ государствѣ. По глубокому замѣчанію Аристотеля, царство опирается на высшіе классы тиранія на низшіе. Послѣдняя есть орудіе борьбы молотъ въ рукахъ массы; первая есть символъ прочнаго государственнаго порядка, правильнаго и всесторонняго развитія народной жизни. Поэтому законная монархія никогда не должна сознательно ставить себя въ положеніе демократической диктатуры. Если она находитъ, что плодъ созрѣлъ, что приспѣло время уничтожить сословныя различія, то она обязана сама, во имя верховныхъ началъ общественнаго блага, о которомъ ввѣрено ей попеченіе, замѣнить привилегіи политическими правами. Иначе царь превращается въ демагога.

Такая пора наступаетъ для Россіи. Крѣпостное право, на которомъ съ конца XVI вѣка строилось у насъ все политическое зданіе, уничтожено. Съ этимъ вмѣстѣ поколеблено и прежнее положеніе дворянства. Оно распускается въ массѣ общества. Какъ скоро правительство приступитъ къ неизбѣжному уравненію податей и повинностей, такъ уничтожится и послѣдняя черта, отдѣляющая его отъ другихъ сословій. Съ проведеніемъ финансовой реформы, слово *дворянство* останется звукомъ, лишеннымъ всякаго смысла, старою вывѣскою надъ пустымъ помѣщеніемъ. А такъ какъ эта реформа и предстоитъ намъ въ недалекомъ будущемъ, то очевидно, что если мы не хотимъ идти путемъ демократическаго цезаризма, намъ остается только примкнуть къ знамени конституціонной монархіи.

Принять такое положеніе подобаетъ прежде всего самому дворянству. Нѣтъ сомнѣнія, что какъ скоро государство требуетъ жертвъ, такъ дворянство первое обязано ихъ нести. Но когда полагаются новыя, небывалыя тяжести, имъ должны соотвѣтствовать и новыя права. Наименьшее, что можно сдѣлать для высшаго сословія въ государствѣ, это дать ему голосъ въ опредѣленіи тѣхъ повинностей, которыя оно на себя принимаетъ. Тутъ недостаточно ссылаться на справедливость, утверждать, что всѣ граждане одинаково должны нести государственныя тяжести. Справедливость отнюдь не требуетъ, чтобы тѣ, которые носятъ въ себѣ сознаніе свободы и права, которые въ состояніи думать и говорить, подчинялись налагаемымъ на нихъ тяжестямъ на одинаковомъ основаніи съ тѣми, которые не способны ни къ тому, ни къ другому. Прокустова постель служитъ выраженіемъ не справедливости, а тираніи. Еще менѣе можно въ стремленіи высшаго сословія къ участію въ финансовомъ законодательствѣ видѣть какія-либо революціонныя притязанія. Соотвѣтствіе правъ обязанностямъ служитъ, напротивъ, самою надежною гарантіею противъ революціи, ибо въ этомъ заключается единственное основаніе всякаго законнаго порядка. Внѣ этого, есть мѣсто только для произвола и возмущенія. Наконецъ, только этимъ путемъ можетъ сохраниться живая связь между прошедшимъ и будущимъ, та связь, которая служитъ самымъ вѣрнымъ мѣриломъ различія между закономѣрнымъ развитіемъ и революціоннымъ движеніемъ. Русское дворянство не въ правѣ кинуть черезъ бортъ всѣ свои историческія преданія, съ тѣмъ, чтобы пуститься въ безбрежный океанъ необразованной и неустроенной демократіи. Россія поставила его на то высокое мѣсто, которое оно занимаетъ. Россія ввѣрила

ему храненіе тѣхъ скудныхъ элементовъ свободы и права, которые успѣли въ ней развиться. Оно обязано ихъ оберегать, не жертвуя ими иначе, какъ взамѣнъ высшей свободы и высшаго права. Въ этомъ состоитъ его историческое призваніе.

Но не одно дворянство заинтересовано въ дѣлѣ финансоваго законодательства. Податной вопросъ одинаково касается всѣхъ. Никто не желаетъ, чтобы его карманъ опустошали безъ его спросу. Всякій сколько нибудь образованный человѣкъ хочетъ нести общественныя тяжести не иначе, какъ сознательно и свободно, то есть, провѣривъ общественныя нужды и убѣдившись въ правильности употребленія средствъ. Здѣсь для слѣпаго довѣрія нѣтъ мѣста. Довѣріе можетъ относиться единственно къ монарху, въ рѣшеніи существенныхъ вопросовъ жизни, а монархъ, стоящій во главѣ государства, очевидно не можетъ самъ разслѣдовать смѣты и провѣрять расходы. Это - дѣло народныхъ представителей. Такимъ образомъ по самому существу своему, вопросъ податной [illegible] связанъ съ вопросомъ конституціоннымъ. [illegible] свидѣтельствуетъ вся исторія. Гдѣ устранялись представительныя учрежденія, тамъ подати и повинности, силою вещей, обращались на низшіе классы, которые одни не предъявляютъ никакихъ притязаній и платятъ все, что съ нихъ берутъ, по той простой причинѣ, что они судить о требованіяхъ не въ состояніи. Высшіе же классы, по крайней мѣрѣ въ странахъ, гдѣ есть малѣйшее понятіе о свободѣ, изъемлются отъ податей и повинностей, какъ скоро они [illegible] отъ обсужденія смѣты и отъ контроля надъ расходами. Привилегіи являются тутъ знакомъ уваженія къ свободѣ и праву, наоборотъ, обложеніе высшихъ слоевъ общества само собою вызываетъ требованіе представи-

тельнаго порядка. Въ Англіи все конституціонное развитіе вытекло изъ податного вопроса. Право самообложенія было источникомъ всѣхъ остальныхъ политическихъ правъ.

У насъ, конечно, правительство такъ сильно, что оно можетъ налагать какія угодно тяжести, безъ опасенія встрѣтить противодѣйствіе. Пожалуй, будутъ даже благодарить, какъ сдѣлали представители многихъ дворянскихъ обществъ, когда на дворянство распространена была рекрутская повинность. Но офиціальная благодарность не исключаетъ тайнаго ропота, и чѣмъ ближе вопросъ касается кармана, тѣмъ сильнѣе будетъ неудовольствіе. Налагая новыя тяжести безъ соотвѣтствующихъ правъ, правительство можетъ увеличить свои матеріальныя средства, но она подорветъ свою нравственную силу. Политика демократическаго цезаризма, даже при видимомъ успѣхѣ, ведетъ къ упадку, а не возвышенію общественнаго духа. Монархъ, имѣющій въ виду не личное свое положеніе, а пользу народа, никогда на это не рѣшится. Зная характеръ и преданія нашихъ государей, мы можемъ навѣрное сказать, что этого не будетъ. А такъ какъ финансовый вопросъ стоитъ на очереди, то въ недалекомъ будущемъ мы неизбѣжно должны ожидать введенія у насъ представительнаго устройства.

Но не одно только исправленіе печальнаго финансоваго и экономическаго положенія государства, требуетъ пріобщенія народныхъ представителей къ рѣшенію законодательныхъ вопросовъ; къ тому-же ведетъ и необходимость серіозно приняться наконецъ за врачеваніе глубоко вкоренившагося у насъ нравственнаго зла. Это зло не составляетъ особенности Россіи. Въ Германіи разрушительныя стремленія организовались въ закономъ признанную партію, обнимающую значи-

тельную часть рабочаго класса. Она имѣетъ свои газеты и своихъ явно выступающихъ вождей. Въ недавнее время, германское правительство сочло нужнымъ принять противъ этой пропаганды самыя строгія мѣры. Каковы будутъ результаты этихъ мѣръ, покажетъ будущее. Нѣтъ сомнѣнія, что насильно подавляемыя стремленія отчасти будутъ вогнаны внутрь и проявятся въ подпольной дѣятельности враждебныхъ государству тайныхъ обществъ. Съ другой стороны, искусно направленная энергія правительства непремѣнно должна воздержать массу колеблющихся и способствовать выселенію изъ государства самой рьяной части агитаторовъ. Но во всякомъ случаѣ, если эти мѣры могутъ увѣнчаться успѣхомъ, то онѣ обязаны этимъ единственно тому, что онѣ являются вооруженными всѣмъ нравственнымъ авторитетомъ представителей народа. Противъ нравственнаго зла однѣ полицейскія мѣры безсильны: необходима нравственная поддержка со стороны общества, а внѣ представительнаго порядка эта нравственная поддержка превращается въ оффиціальную комедію, лишенную всякаго серіознаго значенія. Это мы и видѣли у себя. Зло, которое намъ приходится преслѣдовать, далеко не такъ опасно, какъ то, которымъ страдаетъ Германія. У насъ отражаются только въ умахъ незрѣлой молодежи соціалистическія тенденціи, имѣющія настоящую почву въ западной Европѣ. Между тѣмъ, противъ этой пропаганды приняты самыя усиленныя мѣры. Все, что дѣлается теперь въ Германіи, давнымъ давно производится у насъ въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ. Произвольные аресты, административныя ссылки, полицейскія преслѣдованія, запрещенія, все это расточается въ такомъ обиліи, о которомъ германское правительство не можетъ и мечтать. И что же? Вся эта

усиленная инквизиція, лишенная нравственной поддержки, не только не принесла желанныхъ плодовъ, но произвела совершенно обратное дѣйствіе: пропаганда не ослабла, а общество возмутилось. И когда правительство, почувствовавшее, наконецъ, полную несостоятельность своихъ органовъ, обратилось къ представителямъ общества, послѣдніе отвѣчали оправданіемъ Вѣры Засуличъ, оправданіемъ, которому рукоплескала значительная часть журналистики и сочувствовала не малая доля даже образованныхъ русскихъ людей. Дѣло дошло, наконецъ, до того, что государственныхъ сановниковъ стали безнаказанно рѣзать на улицахъ. Германское правительство въ подобномъ случаѣ обратилось къ парламенту, требуя новаго оружія для борьбы противъ зла. Русское правительство, которое давно уже владѣетъ всякимъ оружіемъ, тоже обратилось къ обществу, но на этотъ разъ съ чисто платоническимъ воззваніемъ, на что и получило чисто платоническіе отвѣты. Представители дворянства и городовъ спѣшили заявить, что они не солидарны съ убійствомъ шефа жандармовъ, въ чемъ, конечно, никто не сомнѣвался. Сами податели адресовъ пожимали плечами, говоря о той странной роли, которую имъ приходилось разыгрывать. Вмѣсто серіознаго дѣла, произошла рутинная церемонія, и всѣ на этомъ успокоились. Только земскія собранія рѣшились откровенно отвѣчать на сдѣланный имъ вызовъ. Полтавское Собраніе прямо заявило, что искоренить зло можно только совокупнымъ дѣйствіемъ правительствъ и земствъ, но что для такой совокупной дѣятельности не существуетъ въ настоящее время законной почвы.

Такой печальный результатъ всѣхъ усилій правительства, безъ сомнѣнія долженъ быть приписанъ, главнымъ образомъ, совершенной непригодности

оффиціальныхъ его органовъ и орудій. Полиція безсильна не только предупреждать, но и разыскивать совершенныя среди бѣлаго дня, въ центрѣ столицы, политическія убійства; юстиція безсильна преслѣдовать и карать виновныхъ; министерство народнаго просвѣщенія, которому ввѣрено нравственное руководство молодежи, безсильно имѣть на нее какое-бы то ни было вліяніе. Тутъ уже разрывъ между правительствомъ и обществомъ, между требованіями государства и дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ, достигаетъ ужасающихъ размѣровъ. Всякому, кто соприкасается съ нашимъ ученымъ сословіемъ извѣстно, что все, что есть въ немъ живаго и способнаго дѣйствовать на молодые умы, отъ юношей до стариковъ, питаетъ непримиримую вражду къ министерству народнаго просвѣщенія. Оно поставило себя такъ, что внушить русскому юношеству какое либо уваженіе къ представителямъ правительства нѣтъ ни малѣйшей возможности. Если среди учащейся молодежи сохраняется еще извѣстная доля благоразумія, то это происходитъ не благодаря министерству, а несмотря на министерство. Изъ современныхъ нашихъ язвъ, нѣтъ ни одной, которая заслуживала-бы такого глубокаго вниманія и участія, какъ эта печальная судьба молодаго поколѣнія, подверженнаго растлѣвающему дѣйствію руководителей русскаго просвѣщенія. Но все это остается скрытымъ отъ верховной власти, которая видитъ только случайно проявляющіеся взрывы и не имѣетъ ни малѣйшей возможности узнать то, что происходитъ въ дѣйствительности, ибо она обрѣтается въ заколдованномъ кругѣ, въ которомъ личныя стремленія и интересы заслоняютъ собою всякій политическій смыслъ и всякое живое участіе къ дѣлу. Единственная забота людей, окружающихъ престолъ, заключается въ томъ, чтобы

предупредить, по возможности, взрывы и закрыть, какъ попало, прорѣхи, чтобы съ помощью призрачнаго спокойствія, удержаться на своихъ мѣстахъ. О нравственномъ дѣйствіи на общество при такихъ условіяхъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Самая возможность нравственнаго вліянія устраняется сочиненіемъ официальныхъ призраковъ, которые сочиняются столицею наверху.

Безъ представительнаго порядка, верховная власть не можетъ выйти изъ своего единичнаго положенія, изъ той обманчивой атмосферы, которая ее окружаетъ. [illegible]

Вмѣсто государственныхъ способностей требовались главнымъ образомъ, преданность и покорность.

Широкое просвѣщеніе [illegible] безграмотно [illegible] школы или пажескаго корпуса. Среди [illegible] Россіи государственныхъ людей, въ настоящее время [illegible] что трудно [illegible] [illegible]. Съ тѣмъ вмѣстѣ [illegible] высшая бюрократія, которая только при [illegible] съ просвѣщеннымъ аристократическимъ [illegible] и образованнымъ обществомъ [illegible] [illegible] государственныхъ [illegible]. Безъ этого, бюрократія въ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Въ настоящее время [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

[illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Къ сожалѣнію, [illegible] что не только въ высшемъ [illegible] но и въ [illegible] [illegible] образованіи [illegible] противъ прежняго. Этому [illegible] съ другой стороны [illegible] на

шихъ учебныхъ заведенiй и тотъ гнетъ, который такъ долго лежалъ на русской мысли, съ другой стороны тотъ хаосъ ложныхъ понятiй и, Богъ знаетъ, гдѣ подобранныхъ свѣдѣнiй, которыми наводнила русское общество расплодившаяся журналистика. И это зло идетъ увеличиваясь. Истинно образованные люди, окрѣпшiе на серiозной работѣ, одинъ за другимъ сходятъ въ могилу, а въ замѣнъ имъ даже на горизонтѣ не видать появленiя новыхъ силъ. Преобразованiя нынѣшняго царствованiя въ судахъ, въ мѣстныхъ учрежденiяхъ, въ промышленныхъ предпрiятiяхъ, открыли новыя, обширныя поприща для общественной и частной дѣятельности; но самые эти интересы, приковывая къ себѣ людей отвращаютъ ихъ отъ болѣе широкихъ вопросовъ и тѣмъ неизбѣжно съуживаютъ ихъ стремленiя и взгляды. Въ началѣ еще, когда русское общество съ жаромъ кинулось на новыя задачи, всеобщее одушевленiе поднимало общественный духъ. Но этотъ пылъ не могъ быть долговѣчнымъ; онъ слабѣлъ по мѣрѣ того, какъ общество свыкалось съ новыми учрежденiями. Рутина и личныя интриги болѣе и болѣе заслоняютъ собою стремленiе къ общему благу. Русское общество цѣликомъ погрязло въ мелкихъ интересахъ. Судьи, адвокаты, земскiе дѣятели промышленники заняты каждый своимъ дѣломъ. Относительно болѣе общихъ вопросовъ, они довольствуются тѣмъ, что имъ даютъ газеты, а это—самый жалкiй способъ воспитанiя общественнаго духа. Во всѣхъ странахъ мiра масса газетъ представляетъ довольно безотрадное явленiе; это, можно сказать, оборотная сторона свободы. И чѣмъ необразованнѣе общество, чѣмъ менѣе оно привыкло къ политической жизни, тѣмъ зло представляется въ худшемъ видѣ. Та бездна лжи, невѣжества и легкомыслiя, которая

этимъ способомъ изливается на общество, по истинѣ невообразима. Но тамъ, гдѣ существуютъ представительныя учрежденія, обыкновенно изъ общей массы выдѣляются нѣсколько органовъ, которые получаютъ высшее значеніе. Они становятся глашатаями политическихъ партій, получаютъ направленіе отъ ихъ вождей и сами собираютъ вокругъ себя общественныя силы. Въ представительныхъ государствахъ газеты перестаютъ уже быть единственными руководителями общественнаго мнѣнія. На первый планъ выдвигаются выборные люди, которые не только разглагольствуютъ о государственныхъ дѣлахъ, но сами принимаютъ въ нихъ участіе, люди, которые могутъ удержаться на своемъ мѣстѣ только въ силу высшихъ способностей. Гдѣ этого нѣтъ, тамъ всякій самозванецъ, обладающій достаточной смѣлостью и нѣсколько бойкимъ перомъ, становится не только представителемъ общественнаго мнѣнія, но и воспитателемъ общества. Для того, чтобы написать книгу, способную выдержать критику, нужна работа, нужны умъ, знаніе, талантъ; для газеты все это излишне. Фельетонистъ, никогда ничему не учившійся, ничего путнаго не знающій, основываетъ газету, вкривь и вкось толкуетъ обо всемъ, и все это, ежедневно воспринимаясь безъ труда, мало по малу усвоивается привычкою. Общественная мысль спускается все ниже и ниже. Люди перестаютъ смотрѣть на вещи своими глазами, а полагаются единственно на то, что имъ постоянно твердятъ единственные существующіе органы политической жизни.

Таково печальное положеніе русскаго общества. Вывести его изъ этой низменной атмосферы, поднять его на новую умственную и нравственную высоту, можно только поставивъ передъ нимъ болѣе широкія и возвышенныя задачи, нежели тѣ, которыя занимаютъ его въ

настоящее время. [illegible] чисто теоретическихъ интересовъ, которые иногда приковывали къ себѣ общественное вниманіе, теперь уже недостаточны; они потеряли свое обаяніе для современныхъ умовъ. Необходимы практическія цѣли, которыя поставили бы гражданина лицомъ къ лицу съ высшими политическими вопросами, съ образомъ отечества, а таковыя могутъ представить единственно учрежденія, привлекающія народъ къ участію въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ. Одна политическая свобода способна вдохнуть въ русское общество новую жизнь, воспитать въ немъ политическій смыслъ, устранить разъѣдающее вліяніе партій, наконецъ, создать такую среду, изъ которой могутъ выработаться дѣльные государственные люди. Предъ народнымъ представительствомъ, неспособные ни одной минуты не въ состояніи будутъ удержать министерскій портфель. Съ своей стороны правительство въ этомъ тѣсномъ союзѣ съ обществомъ почерпнетъ новыя силы и обрѣтетъ самую надежную опору. Для всякаго, кто безпристрастно вглядывается въ современное положеніе Россіи, введеніе представительнаго порядка представляется единственнымъ исходомъ. Завершеніе воздвигнутаго въ нынѣшнее царствованіе зданія силою вещей становится необходимостью. Этотъ вопросъ стоитъ на очереди и долженъ быть разрѣшенъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

Но поставляя себѣ такую задачу, создавая органъ для совокупной дѣятельности всѣхъ государственныхъ силъ, русское правительство и русское общество отнюдь не должны ожидать, что въ этомъ они немедленно обрѣтутъ лѣкарство отъ всѣхъ угнетающихъ насъ золъ. Также какъ и всѣ созданныя на нашихъ глазахъ учрежденія, народное представительство не болѣе какъ форма, которая должна наполниться живымъ содер-

жаніемъ, а содержаніемъ наполнить ее весьма не легко. Мы не можемъ скрывать отъ себя, что мы весьма мало приготовлены къ такому дѣлу. При низкомъ уровнѣ нашего образованія, при ужасающемъ недостаткѣ въ людяхъ, при томъ хаосѣ понятій, который бродитъ въ нашихъ умахъ и господствуетъ въ нашей печати, можно даже придти въ нѣкоторое уныніе. Представительство могло бы еще идти правильнымъ порядкомъ, если бы правительство въ состояніи было руководить обществомъ на этомъ новомъ пути. Но къ сожалѣнію, правительство столь же мало приготовлено къ этому, какъ и самое общество. Въ средѣ его нѣтъ людей, способныхъ исполнить такую задачу. А между тѣмъ задача необходима, ибо каждая сторона порознь оказывается несостоятельною. Только дружнымъ дѣйствіемъ правительства и общества мы можемъ предупредить матеріальное и нравственное банкротство. Но, вступая на неизвѣданный еще путь, мы должны сказать себѣ, что намъ предстоитъ не радостная перспектива свободнаго и мирнаго развитія, а новый тяжелый трудъ, который поглотитъ лучшія силы Россіи. Мы должны будемъ вести упорную борьбу не съ внѣшними врагами, а съ самими собою, съ невѣжествомъ, съ дикими понятіями, разлитыми въ обществѣ, съ укоренившимися вѣками раболѣпствомъ съ одной стороны, и съ легкомысленнымъ либерализмомъ съ другой. Но этотъ трудъ не пропадетъ даромъ: онъ одинъ можетъ поднять Россію на ту высоту, которая подобаетъ ея исторіи, ея внѣшнему положенію и той нравственной силѣ, которая таится въ нѣдрахъ народнаго духа.

Необходимо однако заранѣе приготовиться къ такому дѣлу. Если для созванія представительства мы станемъ дожидаться наступленія кризиса, а пока

будемъ довольствоваться современною рутиною, мы будемъ застигнуты въ расплохъ и не въ состояніи будемъ справиться съ затрудненіями. Государственный умъ видитъ цѣль издалека и готовитъ для нея орудія. Русскому обществу полезно пройти черезъ школу, прежде нежели оно будетъ призвано къ рѣшенію важнѣйшихъ, касающихся его вопросовъ. Такою школою можетъ служить пріобщеніе выборныхъ отъ губернскихъ земскихъ собраній къ государственному совѣту и публичность засѣданій послѣдняго. Этимъ способомъ, и выборные, и общество, и печать будутъ втянуты въ самую сущность дѣла. Не имѣя еще рѣшающаго голоса, общество привыкнетъ къ обсужденію политическихъ вопросовъ и будетъ въ состояніи составить себѣ болѣе ясныя понятія о цѣляхъ и средствахъ государства, нежели возможно для него въ настоящее время. Въ этомъ отношеніи, подобное учрежденіе заслуживаетъ предпочтеніе передъ отдѣльнымъ совѣщательнымъ собраніемъ изъ выборныхъ отъ земства. Соединеніе выборныхъ съ людьми опытными въ государственныхъ дѣлахъ скорѣе можетъ способствовать развитію въ нихъ политическаго смысла. Но необходимо твердо держаться мысли, что это не болѣе какъ школа, которая должна служить только переходомъ къ настоящему представительству. Иначе весь смыслъ учрежденія затемнится и оно не произведетъ ничего кромѣ разочарованій.

Современное состояніе русскаго общества вполнѣ благопріятно для такого нововведенія. Въ немъ не господствуетъ духъ оппозиціи; оно въ настоящее время ничего не проситъ. Оно печально глядитъ на свое безотрадное положеніе и не знаетъ за что приняться. Всякій починъ со стороны правительства будетъ принятъ съ благодарностью. Но если бы, послѣ

всѣхъ тяжелыхъ жертвъ, которыя потребовала отъ насъ война, послѣ всѣхъ напряженныхъ и обманутыхъ ожиданій, не сдѣлано было ровно ничего, то положительно можно сказать, что неудовольствіе будетъ идти возрастая и то, что въ настоящую минуту можетъ быть только дѣломъ свободной иниціативы правительства, скоро явится какъ требованіе общества. Правда, подобнымъ требованіямъ не слѣдуетъ придавать у насъ слишкомъ большого значенія. Сила правительства такъ велика, что оно въ состояніи подавить всякое неудовольствіе. Но увеличивающійся разрывъ между правительствомъ и обществомъ въ то время, какъ всего болѣе требуется дружная ихъ дѣятельность, не можетъ послужить къ пользѣ отечества. Россія въ правѣ надѣяться, что правительство не захочетъ стать въ такое положеніе. Монархъ, который правитъ ея судьбами, всѣмъ своимъ царствованіемъ доказалъ свою готовность дѣлать все, что нужно для блага ввѣреннаго ему народа. Мы вѣримъ, что онъ завершитъ воздвигнутое имъ зданіе, какъ скоро онъ убѣдится, что это для Россіи необходимо.

Конечно въ исторіи народа не можетъ быть болѣе торжественной минуты, какъ та, когда власть, управлявшая имъ въ теченіе вѣковъ, сросшаяся со всей его жизнью, сознаетъ наконецъ, что времена перемѣнились, что созрѣли новые историческіе плоды, и что пришла пора себѣ самой положить границы и призвать подданныхъ къ участію въ Государственномъ управленіи. Наступила ли для насъ эта пора? Мы убѣждены, что мы къ этому идемъ и не теряемъ надежды видѣть въ очію то, что доселѣ представлялось только въ смутныхъ мечтаніяхъ.

Закончимъ анекдотомъ изъ классической древности. Извѣстно, что спартанскій царь Ѳеопомпъ самъ

предложилъ и провелъ ограниченіе царской власти эфорами. Когда его жена укоряла его за то, что онъ власть, завѣщенную предками, передаетъ умаленною потомкамъ, царь отвѣчалъ: „не умаленною, ибо болѣе прочною.“